

WARHAMMER
40,000

WHAT PRICE VICTORY

ALL-ACTION STORIES FROM THE GRIMM DARKNESS OF
WARHAMMER 40,000 BY DAN ABNETT, SANDY
MITCHELL, SI SPURRIER AND MORE...

EDITED BY MARC GASCOIGNE AND CHRISTIAN DUNN

Калькүлүс Логу ("CALCULUS LOGU")

Сборник: Цена Победы ("What Price Victory")

Автор: Дариүс Хинкс (Darius Hinks)

Переводчик: Ыа, Ыорик.

Редактор: Desperado.

Жар поднимался от песков, словно живое существо. Он переливался и перекатывался через дюны, заставляя глаза слезиться. Я моргнул, множество туманных геометрических фигур медленно двигалось по моей сетчатке, мельчайшие математические символы рябили в солоноватой воде слезинок. Затем я на мгновение закрыл глаза, отдыхая от резкого света.

Впрочем, мало на что стоило смотреть.

Велизарий IV был самой бесплодной планетой из всех, что я когда-либо видел.

Ни одна река не

нарушала однообразность панорамы, лишь небольшие хребты выделялись на фоне обширных дюн.

Если бы я не знал правды и не видел
вдалеке обломков «Сарганапала», то считал
бы планету

безжизненной пустошью.

Три с половиной секунды спустя неистовое
яркое солнце планеты достигнет зенита.

Температура

поднимется до шестидесяти градусов по
Цельсию: жара будет настолько велика,
что

немногочисленным представителям
фауны планеты придется закопаться,
чтобы спастись из

иссушающей топки. На короткий
промежуток времени воцарится мир, и мы
стожем начать

ежедневный забег.

Едва обратный отсчет на моем
хронографе приблизился к завершению, я
размял поршни

аугментированных ног, напрягая мускулы
и искусственные связки.

- Император - это такой круг, центр
которого нигде, а окружность везде, (это

предложение является

переделкой старинного философского
афоризма «Вселенная - это такой круг,
центр которого

везде, а окружность нигде» - прим. Рег.) -
прошептал я, опускаясь на корточки и
успокаивая себя

старым катехизисом.

Тиканье моего механизма громко
разносилось по безмолвной пещере, и я
чувствовал напряжение

остальных, пока они готовились к забегу.
Их страх почти был физически ощутим,
поэтому я невольно

улыбнулся, подумав об их жалких не
усиленных конечностях. Они совершали
попытки каждый день, и

каждый раз один из них умирал.

По горбинке моего носа потекла струйка
пота, а сквозь подошвы ботинок был
ощутим все

усиливающийся сильный жар.

- Пора! - закричал я, выбегая из пещеры.
Один за другим мы покидали тьму,

торгая, словно

новорожденные, пока наши глаза пытались приспособиться к резкому сиянию. Я несся впереди, солнечные лучи отражались от моих шестеренок и циферблатов, а поршни моих ног мелодично свистели при движении.

За мной следовали другие выжившие, вероломное отребье — люди, оставшиеся моими

единственными спутниками: Амариллис, Хасан, Рабан и Валент. Конечно, они были людьми, но столь

же чуждыми мне, как и всё на Велизарии.

Я слышал тучительные короткие вздохи, когда они пытались дышать угущливым и жарким воздухом

планеты, и, не оглядываясь назад, мог представить отчаяние на их потных лицах при попытках

удержаться на песке. Солнечный свет вызывал наибольшую жару лишь на семь минут и сорок две

секунды, и мои спутники знали, что

секундная слабость неминучею стала бы их
смертью. Семь сорок
две: число үзнездилося в моих мыслях,
словно молитва.

Я бежал, как никогда ранее, словно демоны
охотились за моей душой. Пустыня
превратилась в

раскаленное пятно, а стук сердца эхом
отдавался в моих ушах. Скорость была
всем, скорость и вера, мускулы моих ног
начали тяжелесть от приятной боли, и я
отстраненно задумался, кто же
переживет

этот день...

Вскоре мы уже могли видеть нашу цель:
маленький осколок разрушенного гиганта,
которым некогда

был «Сарганапал». Он лежал на горизонте,
словно тело убитого на скотобойне
животного, постепенно

разрушаясь от полуденного солнца. Во
время падения этот крошечный обломок,
содержащий

тюремные катеры, откололся от

остальной части корабля и рухнул рядом со скалами, ставшими нашим гомом.

Первым до обломков добежал я, поднырнул под законченную опорную балку и, пошатываясь, пошел

по относительной прохладе тени. Затем четыре целых восемь десятых секунды спустя появились

каторжники, стонущие от наслаждения оказаться в тени, спасающей от раскаленного солнца. Поднялся

безумный лязг и грохот, когда мы начали копать в заваленных обломками комнатах.

- Сюда, сервитор! -- выдохнул Валент. - Быстрее!

Сервитор. Он знал, кем я был на самолете, и как меня раздражало это слово, но я остался притворно

равнодушным и побежал к нему. Из треснувшей трубы на песок капала темная маслянистая жидкость.

- Она безопасна? -- спросил он, сжав мою

руку, матурированное лицо Валента было
полно надежды.

Я присел рядом со струей, достал
маленький клочок выцветшего
пергамента из пыльного балахона и
на мгновение подставил его под капли.

- Я буду стойким как скала, ибо Он со-
мной, - прошептал я, нежно прижимая
влажную рукопись к
потрескавшимся губам.

Несколько секунд я молчал, закрыв глаза и
наслаждаясь впитывающейся в сухой рот
влагой.

- Ну? -- наконец прошипел Валент, в его
голосе слышалась нотка отчаяния.

Я открыл глаза и спокойно встретился с
его неистовым взором: - В составе воды
есть семь частей, - я

пожал плечами. - Три из них являются
вредными загрязняющими примесями.

Валент схватился за бритую голову,
угроза от еле сдерживаемого гнева. С
выбросом адреналина я

понял, что он может меня ударить. Он

наклонился вперед, его покрытое
волдырями потное лицо почти
дотронулось до моего: - Но её можно пить?
- О, да, - с приятной улыбкой ответил я и
сделал большой глоток.

Обратная дорога всегда была труднее.
Каждая потраченная на поиск воды секунда
висела тяжелым

грузом на наших плечах, почти как если
бы десятилитровые канистры поставили
нам на грудь. Но моя

походка осталась легкой, и скоро стали
видны скалы, а с ними и безопасная пещера.

- Тридцать целых тридцать восемь сотых
секунды! - крикнул я через плечо, указывая
на хронограф. Я

опережал других на восемнадцать метров
и вскоре буду в безопасности. Меня не
удерживали страх

или жара: там, где неуклюжие
каторжники горбились и слабели, я плавно
бежал по песку, оставаясь

полностью спокойным даже тогда, когда
волосы на моем лице начинали дытиться

и тлеть.

Один за другим мы достигли пещеры, отчаянно перепрыгивая через последнюю дюну и падая на

камни. Естественно, я был первым, а почти сразу за мной добралась Амариллис -- её маленькое

стройное полуметровое тело рухнуло на землю со стаккато стеха облегчения.

Затем появился дуко

вращающий глазами Валент и пробежал мимо меня в тень, а несколько секунд спустя Хасан, чей

широкий силуэт на мгновение заблокировал свет, когда он протискивался через узкий вход, а потом...

никого.

- Где Рабан? -- глубокий голос Хасана отразился от стен пещеры злобещим эхом.

Лежащая Амариллис подняла глаза, её лицо внезапно вытянулось от страха, и она хрипло прошептала, с трудом дыша: - Скол... сколько, логи?

Я вытащил из балахона хронограф и сверился с искусными символами. Я растянул момент на две целых семьдесят сотых секунды, зная, что в мерцании радуга устройства моё лицо кажется механическим и странным, затем безразлично покачал головой.

- Время вышло.

Они бросились к входу в пещеру и, прищурившись, взгляделись в ослепительное сияние. Сначала не

было видно ничего, но потом появился отчаянно бегущий к нам Рабан. Даже на таком расстоянии я мог

заметить на его лице животный ужас, жалкую потерю самоконтроля. Должно быть, он оступился, и все

ещё был в двух минутах и трех секундах от безопасности пещеры.

- Смотрите, - произнесла Амариллис, показав грожащим пальцем на песок, но в её словах не было

нужды - мы все уже заметили, что дюны

начали течь и бурлить.

С необъяснимым удовольствием я понял, что Рабан уже мертв, а мы можем только смотреть.

Амариллис тяжело прислонилась к стене рядом с Хасаном:

- О, Рабан... Бедный Рабан.

Дюны кипели и бурлили все сильнее, а из-под земли донесся ужасающий звук: протяжный

гроыхающий скрежет, от которого наши лица наполнились ужасом. Хасан был не в силах смотреть, он

отвернулся, слишком хорошо зная, что произойдет потом.

Затем движение прекратилось.

Мы напряженно наблюдали. Рабан уже был в тридцати двух секундах от нещеры, в мертвой тишине я

слышал даже его хриплый кашель.

- Возможно, иногда жара глится дольше, - вслух размышлял повернувшийся ко мне Валент, его голос

внезапно стал полон надежды. -- Быть

может, у него ещё есть шанс?

Не услышав ответа, он вновь посмотрел на пустыню и увидел, что Рабан уже в двадцати секундах от

пещеры — его ноги стучали по песку, подобно поршням, а по загорелому лицу расходилась

воодушевленная улыбка. Валент радостно закричал, — Он сделает это!

А затем пустыня взорвалась.

Слепящий взрыв песка и воздуха швырнул меня на землю, а сквозь гул в ушах и головокружение я

услышал ужасный крик. Когда воздух расчистился, лишь Хасан стоял на ногах, но даже с пола пещеры

нам всем была видна та же кошмарная сюрреалистическая сцена, что и ему.

Рабан висел на высоте двадцати двух метров, его глаза расширились от непонимания, когда он

посмотрел на нас со своего странного места. Очевидно, он был ошеломлен, Рабан неистово тряс

головой, словно пытаясь выбросить из неё кошмарную реальность произошедшего.

Затем я заметил его ноги, лежащие далеко внизу на поверхности пустыни, и поток хлещущей на

раскаленный песок крови. Рабан хрипло закричал и попытался вырваться, но ослабел от потери крови...

Держащее его в чужовищной клешне существо подняло Рабана ещё выше, словно стакую момент, а

затем с жадностью зачихнуло изувеченное тело в один из широко распахнутых ртов и опустилось на

землю. От удара огромной туши прошла сейсмическая волна, обрушившая с потолка пещеры

пятнадцать осколков.

Чужовище вернулось под землю.

- Император станет судить меня, - прошептал я, в одиночестве глядя на луну, - поэтому я не должен быть сам себе судьей...

Но слова принесли мне мало покоя.

Эмоции не уживаются легко с калькуляс-
логи, и недавно

нанесенное мне оскорбление зудело, словно
открытая рана. Я нервно теребил гнезда
проводов, змеившихся из-под скальна, я
поворачивал и переплетал их, словно пряди
волос... Шифры и

логарифмы, интерполяция и статистика
— такими должны быть эмоции калькуляс-
логи. Догма

повиновения и логики. Уверенность во
всем, уверенность и слепая вера. Ужасные
семена сомнения в

себе вызывали у меня дурное предчувствие,
которое я не мог просто проигнорировать.

У моих ног спали тихо храпящие
источники замешательства,
переплетшиеся друг с другом для тепла.

Моя уверенность вернулась, пока я
смотрел на них. Конечно, я знал свой долг
и должен был быть

сильным. Я должен был защищать этих
каторжников, сколь бы недостойными они
не казались. Если

Император желает моей смерти здесь, на
этом безжизненном мире, то пусть так и
будет, я умру с

гордостью. Впрочем -- мои мысли вновь
затуманились -- действительно ли
Император хочет, чтобы его

правоверный слуга умер во имя трех
неверующих? Я в замешательстве потряс
головой и повернулся к

пещере, стараясь оторваться от
постыдных мыслей.

Даже в чернильной темноте была видна
чужовищная туша существа: вечно
голодного и нетерпеливого, безмолвно
выжидającego на горизонте. Огромные
глаза слепой твари были закрыты, но я
знал, что оно

чувствует каждое движение, чует всякий
тонкий аромат плоти. Если я буду
достаточно глуп, чтобы

выйти из безопасности пещеры хотя бы на
секунду, то оно набросится... И порвет
меня в клочья, как тех

бедолаг, которые не успели добежать...

И ему не придется долго ждать. Дни, максимум недели, а потом все будет кончено. Обезвоживание, голод и постоянная жара сделают свое дело, и даже я стану слишком медленным, чтобы выжить во

время ежедневных рейдов на обломки тюремных камер. Если не...

Я обернулся, чтобы вновь посмотреть на своих спутников, и с виноватым видом заметил, что

Алариллис проснулась и напряженно на меня смотрела. С тем, что, как я надеялся, выглядело

успокаивающей улыбкой, я сказал:

- Тебе нужно отдохнуть.

Она не ответила ничего, продолжая пристально на меня смотреть из теней. В лунном свете были едва

различимы белки её глаз, а у меня появилось неприятное ощущение, что она как-то прочитала мои

мысли: - А как насчет тебя, логи? Ты вообще спишь? Или техножрецы лишили

тебя даже этого

удовольствия?

К своему удивлению я нахмурился: - Ты находишь сон приятным? Как может забвение быть удовольствием?

Амариллис тихо застелась над своими мыслями.

- Ох, ты бы сильно удивился, если бы знал, какие вещи я считаю приятными, - она переползла вперед, села рядом со мной и таинственно погнула брови. - Я не та милая девочка, какой кажусь.

Мой язык прилип к основанию рта, поэтому я просто неловко улыбнулся и кивнул. Амариллис бредила

во мне безымянный страх, который я не мог объяснить. Другие тоже меня пугали, но я, по крайней

мере, мог идентифицировать причины. Валент был настоящим психом -- новичком Кюльта Гелио, чье

поклонение солнцу так измотало его разум, что Экклезиархии пришлось

посадить его за решетку. При

всех его ярких татуировках на лице и
пирсинге он слишком сильно был
пленником собственного

разума, чтобы стать угрозой. А Хасан
был простым вором. Хотя он утверждал,
что когда-то служил в

имперском флоте, я несколько в этом
сомневался. Жестокое мясистое лицо и
грохотное телосложение

говорили, кем он был на самом деле.
Грустным простаком. Но Амариллис...
она была гораздо

большей загадкой. Её неверие казалось
почти порочным.

Раздраженный странным влиянием,
которое она словно оказывала на меня, я
попытался её слушать.

- Надеюсь, ты не собиралась меня
спросить, но я размышлял---

- Это звучит интересно, - с улыбкой
сказала Амариллис.

Я занулся и почти невольно прочистил
глотку: - Ну, возможно ты не захочешь

говорить о... конечно... -

я ждал, что она вновь меня прервет, но Амариллис лишь продолжала скромно улыбаться. - Ну, это

лишь... во время падения ты должна была быть рядом с тюремными камерами... фактически, ты

должна была быть в одной из них, и мне любопытно -- пожалуйста, не считай меня хатом -- какое

преступление ты совершила?

Амариллис безучастно посмотрела на меня и ничего не ответила. Её лицо превратилось в лишенную

эмоций маску, казавшуюся в полусвете ужасно злобещей, а у меня возникло раздражительное

ощущение, что я сижу с роботом. Внезапно я пожалел о своем вопросе и неловко заерзал на холодном

полу. Затем, спустя мучительно долгое время, она, наконец, пришла в себя. Амариллис достала из

куртки тонкий кусок камня и начала

переть ил пол пещеры -- искры слабо
вспыхивали в темноте, а
неприятный скрежещущий звук прервал
тишину.

Я нервно кашлянул. Я уже дважды видел,
как она играет с осколком -- это была
лишь одна из её

неуловимо пугающих привычек.
Атариллис продолжала точить камень, я
внезапно ощутил страх и

отвернулся, вновь посмотрев на чудовище.

Она проследила за моим взглядом, но
лишь спустя двадцать секунд неловкой
тишины, наконец, заговорила.

- Странно, не так ли? Мы не можем
спастись -- мы с тем же успехом могли
погибнуть с остальными при

падении -- но каждый день мы
прикладываем столько усилий, чтобы
отложить неминуемый конец.

Действительно глупо. Насколько было бы
проще, покончить с этим прямо сейчас, --
она бросила на

песок булыжник, и чудовище медленно

повернуло в нашу сторону голову, - это было бы так быстро...

- Не говори такое, - возразил я, - твоя сущность тебе не принадлежит, чтобы отбросить её подобно

пустой раковине, это сосуд богатий Императора, - для усиления эффекта я указал себе на грудь и

процитировал. - Величайшим и самым совершенным телом одарил Он нас, чтобы мы могли разделить

Его божественный свет!

К моему большому неудовольствию Амариллис просто закатила глаза: - Ах, да - Император... как я

могла о нем забыть?

Она покачала головой, а мои мускулы гневно напряглись: - Не стоит пренебрежительно говорить о таком.

- Успокойся, логи, самоубийство действительно не в моем стиле, - она слабо улыбнулась. - Тем более, что смерть не является единственным вариантом.

Я сүзил глаза, но протолчал.

- Ты знаешь, что я имею в виду, ты тоже это видел.

Я энергично потряс головой. Она словно прочитала мои мысли...

- Это невозможно, - сказал я, слишком хорошо понимая, на что она намекает.

Дальше в пустыне, за

обломками тюремных катер, лежала основная часть корпуса «Саргананала».

Если бы кто-то успел до

неё добраться за ограниченное время, он бы обязательно нашел убежище в этом огромном

лабиринте.

Амариллис наклонилась вперед, её миниатюрное лицо было крайне взволновано, - Это возможно, -

сказала она, в её глазах сверкал лунный свет, - Мы сможем это сделать, ты и я.

Мы все ещё быстры, в

отличии от остальных, и нам не понадобится время на возвращение -- мы уже будем в безопасности

на корабле. Существо не сможет пробить корпус, - она нежно прикоснулась к моей руке, которую я тут

же отдернул. - Там достаточно воды на месяцы и есть еда! Подумай, - она замолчала, чтобы перевести

дыхание -- на корабле обязательно должно быть сигнальное устройство, своего рода спасательный

маяк. Возможно, корабль не станет нашим тавзолеем и нас спасут. Подумай, логи!

Я вновь потряс головой. Меня преследовали эти мысли. Учитывая имплантаты и струящиеся по моим

венам охлаждающие жидкости, я, несомненно, смог бы это сделать, но до корабля добрался бы

только я, уверен, что никто другой не переживет попытку. Попытаться добраться до корпуса

«Саргананала» значило бросить Атариллис и остальных. Семь сорок две: в этих числах был их

смертный приговор, но она словно отказывалась видеть это. Я посмотрел на Атариллис, грожащую от

волнения, и внезапно ощутил жалость, после чего наконец-то понял: я не могу их бросить. Я должен

остаться до конца, сохранить им жизнь настолько, насколько это возможно, и, если это станет

необходимо, умереть вместе с ними. Решение даровало мне приятное ощущение праведности.

- Нет, - сказал я, гордо подняв подбородок, - времени не будет достаточно, - я показал на бесчисленные

часовые и шифровальные устройства на моей пошитой медью одежде. - Я исследовал каждую

возможность, каждый дифференциал, каждое возможное уравнение, и везде у нас не было

возможности добраться до «Сарданапала» прежде, чем жара начнет слабеть.

Я был уверен, что мой авторитетный

тон наконец-то заставил девчонку
утолкнуть, но она лишь
загадочно улыбнулась и покачала
заостренным камнем. Затем, не отрывая
от меня глаз, она начала
выводить им круги на полу.

- Ты воспринимаешь мир как
вычислительная машина, Регул? Разве
ты видишь мир лишь
арифметически?

Я ничего не сказал, и она покачала
головой, её улыбка сменилась гримасой.

- Они бросили меня в вонючую клетку
лишь потому, что я смог увидеть мир
таким, каким он есть. Я

могу смотреть на мир с другой точки
зрения! - она подбросила камень в воздух, и
к моему изумлению

он исчез. В моем животе возникло
необъяснимое ощущение тошноты. Затем
она наклонилась вперед, пока я не ощутил
на своем лице её теплое дыхание. Страх
сковал меня, я попытался отшатнуться, но
уперся в стену пещеры.

- Ты не можешь учесть каждую
возможность, - прошептала Амариллис,
нежно положив руку на мою
шею. Я ощущал бы себя гораздо
комфортнее со змеей у глотки, чем с этой
странной женщиной, и
неловко дернулся, ощутив её руку на своей
коже. Внезапно я почувствовал себя
беспомощным и
неспособным двигаться. Я ощущал, как её
пальцы двигаются взад и вперед под моими
кожаными
капюшоном. Потом, к моему испугу, она
вытащила нечто из-под моих
переплетшихся церебральных
проводов. Она показала мне камень. - В
жизни есть больше, чем уравнения, и тебе
стоит научиться
доверять интуиции.
- Дешевые трюки не спасут тебя от
этого, - сказал я, жестом показывая наружу
и пытаясь не пустить в
голос дрожь, - ты всего лишь неверующая
фокусница!

- Мне не нужны дешёвые трюки, логи!
Поверь мне, - зашипела она, - ты не можешь
учесть каждую

вероятность и видеть правильно все. Если
бы ты только...

Позади раздалось шуршание.

Мы обернулись и увидели, что Валент
проснулся и, молча, смотрел на нас.

Даже в темноте пещеры я заметил, как на
щекат Амариллис прихлынула кровь, и
задумался, сколько же
услышал солнцепоклонник.

Несколько секунд Валент молчал,
очевидно стесняясь своего соседа, а затем
зевнул и сел: - О чем это

вы двое шептались, - сказал он, со звучным
треском разведя руки. Надеюсь не обо мне?

Мы неловко застеснялись.

- Ну, полагаю уже нет смысла гретать, -
сказал он, вставая на ноги, - уже скоро мой
повелитель

проснется от спячки и будет свет, - я
выглянул из пещеры и увидел, что
действительно далеко на

горизонте за огромной тушей зверя, чернота неба уже стеллась глубоким ярко-синим цветом, - ещё час и будет рассвет.

- Семьдесят две минуты и сорок три секунды, - поправил его я.

Амариллис горько застыла, но Валент казался странно раздраженным. Он пристально на меня посмотрел.

- Чтобы ты без тебя делала, лог?

Я невинно улыбнулся в ответ, и Валент пошел к дальней стороне пещеры, где вновь лег на пол и странно застонал.

- Что он делает? -- прошептала Амариллис, подняв брови.

- Возможно это религиозный ритуал... он молится?

С восторженным изумлением Амариллис с прищуром посмотрела в тень. Она наблюдала, как Валент развел

конечности в виде звезды и дико ухмыльнулся потолку пещеры, продолжая

нетъ.

- Он, - прошептала Амариллис, - просто снятил.

- Ты подставил мне подножку! - закричал Валент, вскочив на ноги и повернувшись к Хасану. - Ты, медлительная мартышка!

- Нет, - глубоким степенным голосом сказал Хасан.

Амариллис и я, не останавливаясь, пробежали мимо них.

На бегу я обернулся и увидел, как выпрямившийся в полный двухметровый рост Хасан навис над жрецом: - Ты упал.

С бешеным воплем Валент бросился на него, и оба, пинаясь и колошматая друг друга, покатались по крутому склону дюны.

Я вновь отвернулся и сконцентрировался на бегстве. Если Амариллис с трудом пыталась достигнуть

моей скорости двадцать пять километров в час, то я просто летел над дюнами. Я не слабел с каждым

гнет, а словно становился все быстрее и сильнее. Адреналин стал моей жизненно важной жидкостью

вместо крови, и я нетерпеливо ждал начала полудня -- и забега -- каждый день.

Я достиг пещеры с двумя целыми тремядесятыми минутами отрыва и спокойно прыгнул в

безопасность скалы. Вскоре появилась Амариллис, её лицо покраснело от напряжения, а конечности

неконтролируемо дрожали. Она рухнула на пол с громким кашлем, а я повернулся обратно к пустыне.

- Нет, - сказал я, подавив стешок, - быть того не может...

Хасан и Валент продолжали кататься и кувыркаться на песке, осыпая друг друга ударями. Красным от

крови стал песок вокруг каторжников, которые казались полностью безразличными к угрозе

способного в любую секунду появиться существа, желая лишь стерти друг друга.

- Животные, - тихо прошептала я и потрясла головой.

Атариллис подскочила ко мне и простонала: - О нет... Что они наделали?

Мы, молча, наблюдали, как далекие фигуры боролись и дрались, забыв обо всем в гневе. Потом, с

почти комическим удивлением они затерли, внезапно вспомнив, где находились.

- Слишком поздно, - прошептала Атариллис, недоверчиво трясая головой. - У них не будет достаточно

времени, - с широко открытым ртом она повернулась ко мне, - или нет?

Земля уже начала двигаться и переворачиваться, поэтому я медленно покачал головой. Они

продолжали нестись к пещере, но потратили слишком много времени, и я уже видел страх на их лицах.

«Животные» подумал я «разве это достойная смерть?» Впрочем, заметил я, в них было немного

хитрости. Пытаясь сбить с толку голодное чудовище, они бежали к пещере с разных сторон -- очевидно

рассчитывая, что так выживет, по крайней мере, один из них...

Валент был в тридцати трех секундах от пещеры, когда его настигла тварь. Сначала казалось, что он

просто упал в невидимую яму. Земля исчезла из-под ног Валента, и он пропал из виду. А затем из-под

поверхности показалась огромная зияющая пасть.

- Спаси нас, - выдохнула Амариллис, когда существо вздыбилось в небеса, оторвав свою огромную тушу от земли.

- Это невозможно, - прошептал я, покачивая головой от благоговейного ужаса.

- Смотри, - тихо сказала Амариллис, - Хасан.

Обычно выглядевший грозилкой человек внезапно показался ребенком, когда существо рухнуло

обратно на песок и устремилось к нему.
Хасан резко остановился, увидев, что
тварь оказалась между
ним и пещерой.

- Что он делает? -- шепотом спросила
Амариллис, когда мужчина без сил рухнул
на землю.

- Утирает, - ответил я.

- Мы сможем это сделать, - произнесла
бродившая взад-вперед по пещере
Амариллис. -- Ты должен
довериться мне, логи. Я вижу вещи,
которые не видишь ты -- ты не способен
предвидеть все

вероятности! Ты должен смотреть не
только на числа. Вселенная покоится на
оси удачи и

обстоятельств... не науки!

Сидя, я обернулся к ней. Уже прошло два
дня, восемь часов, пятнадцать минут и
шестнадцать секунд с

момента смерти Валента и Хасана, и
все это время рот Амариллис не
закрывался. Её призывы

становились все истеричнее.

- Говорю тебе, - сказал я, - Я рассмотрел все возможные варианты.

- Но ты не знаешь все возможные варианты! -- закричала она, а в её глазах появились слезы

разочарования и горечи. -- Ты что бог, способный провидеть последствия всех событий?

- Есть лишь Бог-Император.

- Ба! И кто же Он? Труп... в лучшем случае!

- Он не является этим, ибо Он всюду, ибо Он причина всего.

Амариллис схватила свою обритую голову и взвыла. - О, за что мне такое наказание? Остаться в

безвыходном положении с... ходячими самодовольными счетами! - Она твердо уселась на землю

напротив и начала сердито тереть ладонями о землю.

Вновь я ощутил внутри чуждые себе эмоции. За прошедшие дни нахальные

оскорбления женщины

пробудили во мне гнев. Почему я, верный слуга Бога-Императора, должен умереть на безжизненном

мире, с бессмысленной целью -- что неверующий преступник не может умереть один? Несколько дней

спустя даже я стану слишком слаб для продолжения пути к цели -- основной части разбившегося

«Саргананала»

Действительно ли этого хотел Император? Как я мог быть уверен? Ещё несколько дней, и у меня не

останется другого выбора, кроме как остаться... и подохнуть. Я энергично затряс головой, пытаясь

отогнать постыдные мысли. Нет, убеждал я себя, я не должен ставить под вопрос свой долг. Я должен

быть верен тому, чему меня учили. Мир-кузница Зонир VJ стала ступенью воспоминанием -- фактически

прошло две сотни лет, восемь месяцев и

три с половиной дня с тех пор, как я стоял
на коленях перед

техножрецами и внимал священным
трактатам моего органа -- но, тем не
менее, даже теперь я

должен быть предан своей вере. Моей
ролью была защита других людей, и если я
сейчас брошу эту

женщину, то стану настоящим еретиком,
поэтому я просто сказал:

- Это невозможно выполнить.

- Глупец! -- со скрежетом зубов сказала
Амариллис. - Мне тошно от тебя, - она
сердито плюхнулась на

камень, - из-за тебе подобных гронов мне
стыдно за человечество! Хотя в тебе
мало осталось от

человека!

В моем разуме возник неудержимый гнев,
и я ощутил, как пульс неприятно
участился. Женщина

проявила высокие способности в
возбуждении абсолютно бесполезных и
непродуктивных эмоций.

- Сколько в тебе осталось человеческого?
Половина, так? Техножрецы превратили
тебя в урода, Регул, -

она встала на ноги и наставила на меня
указательный палец. - Ты говоришь об
Императоре, но что ты

для Него? Гайки и болты! Ходячий
контейнер шестеренок!

- Моя вера достойна Его защиты, а ты
всего лишь... - я запнулся, прежде чем
произнести сильное слово

-- еретичка!

- Возможно, но я, по крайней мере, человек!
А кто ты? Сервитор? Машина? Как
может Император
любить тебя?

Я чувствовал гневный пульс в висках. Её
слова словно резали меня ножами, а голова
почти закружилась

от злости. Где сформировались эти
эмоции? Я никогда раньше не терял
контроль над собой --

возможно солнце повредило мои
мыслительные механизмы?

- Но хуже всего, - закричала она, - ты трус!

Затем она обернулась и побежала к задней стене пещеры, где села спиной ко мне.

Я обнаружил, что резко выпрямился, а мои кулаки сжались от гнева. Она была бесполезным

предателем. Я не должен был утирать праги такого ничтожества, это не могло быть правильным. Не

могло! Я легко мог добраться до «Саргананала». Почему меня беспокоит, что она не может? Я ощутил, как нечто в моем разуме стало на свое место подобно последней стадии уравнения. Почти невольно я

заметил, что решение пришло.

- Ну ладно, - сказал я, пытаясь не выдать голосом эмоции, - завтра мы предпримем попытку.

Алариллис обернулась с выражением шока на лице. Затем ухмыльнулась.

- Я знала, что в тебе что-то есть.

Терпеливо наблюдая за символами хронографа, я ощущал нарастающее

удовольствие.

- Десять секунд, - сказал я, обернувшись к Амариллис, сидевшей на корточках позади у входа в пещеру.

Она кивнула, её освещенное солнцем лицо было полно рвения. - Мы побежим по тому же маршруту, что и раньше, остановимся на двадцать секунд у обломков тюремных камер, чтобы перевести

дыхание... затем просто будем бежать, пока не достигнем «Сарганапала».

Я разминал поршни ног, наблюдая за гладко скользящими вперед и назад гидравлическими кабелями.

Странно, насколько незначительные вещи могут значить разницу между жизнью - я обернулся к

Амариллис - и смертью.

- Побежали! - крикнул я, бросившись в пустыню.

Я бежал, как раньше, легко, широко и вприпрыжку. Спокойно пробегая по движущимся пескам со

скоростью двадцать километров в час и

перескакивая дюны, словно их не существовало, я не имел

необходимости к приложению больших усилий. Я знал до миллисекунды время, которое нужно для

достижения «Сарганапала», и даже учитывая погрешности, семи минут и сорока двух секунд было более чем достаточно.

Трудно было не улыбнуться, услышав хриплое дыхание Амариллис. Она называла меня «машиной».

Какая глупость. Император дарует аудиенцию лишь самым правверным слугам, но это было за

гранью понимания бесполезных изменников, таких как она...

Я обернулся через плечо и увидел, что через мгновение она меня догонит, хотя комбинация жары и

физического напряжения уже окрасила её лицо в нездорово пурпурный цвет. Она довольно

ухмыльнулась, и мне пришлось вновь

бороться с желанием захохотать. Я ждал возможности увидеть

выражение её лица, когда она поймет, что я все это время был прав. Надеюсь, что у неё будет время

осознать превосходство «ненормального» мозга, пока чудовище будет её пожирать.

Когда я достиг тюремных камер, мое выживание лишь немного участилось, но я все равно прижался к

покоренной металлической раме и постарался заметить пульс. Амариллис ещё была в четырех

целых шести десятых секунды позади, и я посмотрел на «Сарганаал». Сердце забило чаще, когда я

увидел, что значительная часть отсеков судна ещё цела – превосходное убежище от существа.

Возможно даже, что я найду других выживших, надеюсь, они будут праведнее моих недавних

спутников. Я сверился с хронографом. Двадцать четыре целых и восемь десятых

секунд спустя я

должен буду начать вторую стадию забега.

Хриплый кашель предупредил меня о появлении Амариллис. Со стоном она прислонилась к стене

рядом со мной, а затем сползла на землю, отчаянно пытаясь перевести дыхание. По её лицу текли

потоки пота.

- Как... как мы... это сделаем?

Я улыбнулся, наслаждаясь моментом: - Боюсь, у нас нет времени для отдыха, - сказал я, показав на

хронограф. Ещё трех минут и тридцати двух секунд будет более чем достаточно для существа, чтобы

выползти. Нам нужно отправляться.

Я нагнулся и прошептал ей на ухо: - Фактически, ты достигнешь обломков через три минуты и

пятьдесят-восемь секунд, поэтому уже можешь готовиться к загробной жизни. Это будет твоим

последним путешествием.

Атарилиис испугано на меня посмотрела, и я угрожал от чувства силы. Теперь я видел, как правильно было вести её на смерть. Я больше, чем она могла бы стать, больше, чем человек... я калькулус логи.

Лучи солнца падали на меня, а внутри я ощущал наполнившую меня благодать Императора -- все это смешалось в ослепительный свет.

Странно, но затем я увидел, что Атарилиис улыбнулась.

- У меня другие планы, - сказала она, с удивительной скоростью чем-то меня ткнув. Прежде, чем я

успел среагировать, раздался хлопок вынутого воздуха, и мои ноги подогнулись. Я рухнул на пол и

увидел вонзившийся в мою бедренную гидравлику заостренный камень

Атарилиис спокойно отошла, пока я неуклюже ворочался, ругаясь и плюясь.

- Теперь ты видишь, приятель, - сказала

она, с притворной застенчивостью
вытирая руки, - что ты не
можешь подсчитать все вероятности? --
она подошла так, чтобы её лицо было
почти в пределах моей

досыгаемости. - Возможно, тебе стоило
оставить больше человеческого, чтобы
действительно это
осознать, Регул.

С безмолвным ревом я попытался
вскочить, но раздробленная конечность не
удержала меня, и спустя

одну целую две десятых секунды я вновь
рухнул. Тяжело упав на бок, я наблюдал,
как Атариллис

быстро бежит по пустыне - к
«Саргананалу».

Животный гнев опустошил мой разум, и
сначала я не понял, зачем она это сделала.
Но потом, когда

мысли прояснились, я осознал. Ну конечно
к тому времени, как существо прикончит
меня, она будет в

безопасности. Она купила себе спасение

ценой моей жизни. И спланировала это
давно. Все эти дни

Амариллис точила камень...

Меня поглотила ярость. Я повернул
голову и гневно уставился на жгучее
солнце -- давая свету сжечь

мои глаза, словно жар мог каким-то
образом испепелить мой гнев. Пока мою
сетчатку поглощала боль, я вновь слышал
преследовавшую меня столетиями
печальную литанию техножрецов: "Обман
есть

искажение науки."

- Нет! -- закричал я, когда земля начала
перекатываться. - Нет! Нет! НЕТ!!!!

Планеты:

Belisarius IV -- Велизарий IV.

Zopyrus VI - Зопир VI

Корабль:

Sardanapalus -- «Сарганал»

Персонажи:

Regulus -- Регул.

Rabanus -- Рабан.

Hasan -- Хасан.

Valens-- Валент.

Amaryllis -- Амариллис.

...